

Естественно, столь впечатляющий ассортимент продуктов требовал не менее богатого лабораторного сервиса — химической посуды и приборов. Вот что было в лаборатории *Ар-Рази*: *кубки, колбы, тазы, стеклянные блюда для кристаллизации, кувшины, кастрюли, горелки, нефтяные лампы, жаровни, печи (атаноры), напильники, шпатели, ковши, ножницы, молотки, щипцы, песчаные и водяные бани, тканевые, шерстяные, волосяные и шелковые фильтры, алейбики, алуделы, воронки, кокурбиты; ступки с пестиками, металлические сита* (Holmyard, 1957, с. 86—87). И все это тут же и оживало, когда пускалось в непосредственное дело плавления, декантации, фильтрации, дигерирования, дистилляции, субликации, амальгирования, растворения, коагуляции.

Таков арабский алхимический мир, существовавший до X—XI ввек, насквозь рациональный и только терминологически слабо спиритуализированный. Природоведческие взгляды *Авиценны* (X—XI в.), *Бируни*, *Фараби* (примерно то же время) не слишком в стороне от практики арабских химиков.

Это обращение к алхимии арабов есть обращение не только на Восток от алхимии европейской. Но еще и обращение к иной деятельности. Здесь мы имеем дело не столько с алхимией, сколько с химией.

Химические процедуры и описания, изобильно включенные в тексты *Джабира* и *Ар-Рази*, рациональны и практичны. Алхимическая спиритуалистическая фразеология — неорганичный привесок, понаслышке воспринятый из александрийских времен. Герметическое александрийство взято, но не ассимилировано. Так и осталось вкрапленным в технохимическое умение арабов.

Технохимические знания арабов остались невосприимчивыми к александрийским песнопениям. Ислам с только человеческой природой пророка оказался глухим к спонтанным эманациям неоплатонического *Единого*. Лишь термины, да и то воспринятые как чужеродные, остались ярлычками-напоминаниями алхимической *Александрии* на фасаде аскетических построений арабских химиков.

Между тем арабская химия — тот видимый источник химической учености, из которого черпали *христианские доктора*. И здесь уже ярлыки-термины в ситуации католического предания обретают черты былой алхимической духовности, притягивая за собою весь массив химического оперирования с веществом. Это одно из объяснений происхождения европейской алхимии⁹.

Западная алхимия, приобретающая в XII—XIV веках полурациональный вещественно-духовный физико-мистический лик, обязана этой своей метаморфозе взаимным, трансформирующим друг друга влияниям технохимии, собственно алхимии и неоплатонических умозрений, начавшихся еще в Александрийскую эпоху. «Химия» арабов и тексты ранних ал-

⁹ Правда, был и другой путь проникновения Александрийской алхимии в Европу: знакомство с герметическими александрийскими текстами, сохранявшимися почти тысячу лет в библиотеках итальянских монастырей.